А.В. Бакунцев, кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: auctor@list.ru

«ОКАЯННЫЕ ДНИ»: ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ И.А. БУНИНА С ФАКТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ

В основе статьи лежит доклад, прочитанный автором в мае 2012 г. в Казани в рамках IV Международной научной конференции «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве». На примере «Окаянных дней» в статье рассматриваются основные принципы и приемы работы И.А. Бунина с фактическим материалом, в качестве которого у писателя выступают тексты чужих газетных публикаций, а также собственные дневниковые записи 1915—1922 гг. и публицистические произведения периода Гражданской войны и первых лет эмиграции. Сопоставляя первоисточники с их «эквивалентами» в «Окаянных днях», автор выявляет характер литературных трансформаций, которым Бунин подвергал исходный фактический материал.

Ключевые слова: *И.А. Бунин, «Окаянные дни», фактический материал, художественная переработка.*

The article is based on the report which the author read in the 4th International scientific conference "Synthesis of non-fiction and fiction in literature and art" in Kazan in May, 2012. We use "The Cursed Days" as an example to examine the main principles and methods of Bunin's work with actual material. The writer used different texts of newspaper publications as actual material and also his own diary notes of 1915—1922 and publicistic works written during the Civil war and the beginning of emigration. The author of the article compares the original works with their "equivalents" in "The Cursed Days" and shows how Bunin made literary transformations of the initial actual material.

Key words: *I.A. Bunin, "The Cursed Days", actual material, literary transformation.*

«Окаянные дни» — одна из самых сложных (с литературоведческой точки зрения) бунинских книг. В частности, не вполне ясны ни ее жанровая принадлежность, ни литературная природа. Мнения исследователей, да и критиков, на этот счет сильно расходятся. В литературе об «Окаянных днях» встречаются такие определения: «дневник» [Крыжицкий, 1974, с. VI; Кочетов, 1990, с. 3; Примочкина, 2003, с. 67][1], «дневниковые записи» [Мальцев, 1994, с. 249], «художественный дневник» [Михайлов, 1991, с. 6; Эберт, 1996, с. 105], «художественное произведение» [Ошар, 1996, с. 104; Георгиевский, 1999, с. 54][2], «книга публицистики» [Михайлов, 1991, с. 5], «документ эпохи» [Клинг, 2003, с. 19], «отрывки»[3], «очерки» [Хёнцш, 2010, с. 760]. Однако, на наш взгляд, эти дефиниции, при всем их разнообразии, обладают одним и тем же недостатком, а именно отсутствием универсальности: каждая из них отображает лишь какую-то одну сторону бунинской книги. В связи с этим более приемлемой нам представляется концепция немецкого буниноведа Д. Риникера, рассматривающего «Окаянные дни» как произведение *синтетическое* — в том смысле, что оно обладает одновременно документальными, публицистическими и художественными чертами или, по терминологии исследователя, «доминантами», которые, будучи слитыми воедино и образуя некое нерасторжимое целое, «определяют всю структуру "Окаянных дней"» [Риникер, 2001, с. 631].

Такой взгляд на бунинскую книгу, как нам кажется, вполне соотносим с авторским суждением об «Окаянных днях», которое было высказано в письме И.А. Бунина от 5 июля 1925 г. к П.Б. Струве (этим письмом сопровождался очередной «фельетон» (т.е. фрагмент) «Окаянных дней», предназначенный для опубликования в газете «Возрождение»): «Думаю, что я правильно поступаю, давая "Окаянные дни", — в них и беллетристика, и все прочее, нужное, *еще очень нужное* для времени»[4]. Под выражением «все прочее, нужное, еще очень нужное для времени» писатель, скорее всего, подразумевал не только актуальность и публицистическую направленность своего произведения, но и его документальную первооснову.

* * *

О публицистичности «Окаянных дней» написано немало. Именно публицистическая заостренность этой книги была причиной того, что до конца 1980-х гг. отечественный читатель был лишен возможности познакомиться с ней, и если и знал о ее существовании, то большей частью лишь из резких и притом заочных отзывов таких деятелей советской литературы, как В.В. Вишневский, Л.В. Никулин, К.М. Симонов, А.К. Тарасенков, А.Т. Твардовский[5].

[1] Г. Н. Кузнецова в своем «Грасском дневнике» тоже называет «Окаянные дни» дневником. См.: *Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М., 1995.С. 83

[2] «Художественным произведением» (по преимуществу) считал «Окаянные дни» и М. А. Алданов. См.: *Алданов М.* И.А. Бунин. Собрание сочинений. Изд-во «Петрополис», 1935 г. Т. IX и X // Современные записки (Париж). 1935. Кн. LIX. С. 472.

[3] См.: *Смирнов-Сокольский Н.П.* Последняя находка / Подг. текста С.П. Близниковской // Новый мир. 1965. № 10. С. 220.

[4] Переписка И.А. Бунина с П.Б. Струве (1920—1943). К 100-летию со дня их рождения / Публ. Г.П. Струве // Записки Русской академической группы в США. N.Y., 1968. С. 75.

[5] Например, у К.М. Симонова «при чтении этой книги записок о гражданской войне было тяжелое чувство: словно под тобой расступается земля, и ты рушишься из большой литературы в трясину мелочной озлобленности, зависти, брезгливости

Документальность «Окаянных дней» также не подлежит сомнению. Как справедливо пишет Д. Риникер, «Бунин хотел в своем произведении зафиксировать и передать как можно более точно события, свидетелем и очевидцем которых он стал во время революции и гражданской войны» [Риникер, 2001, с. 632]. В самом деле, в «Окаянных днях» множество реальных фактов и лиц, широко представлена топонимика Москвы, Петрограда, Одессы, русской провинции. Большое место занимают также выписки из личных дневников писателя и из прессы — как большевистской, так и идеологически враждебной ей, — в том числе из газет «Известия Одесского совета рабочих и солдатских депутатов», «Голос красноармейца», «Набат», «Южный рабочий», «Русское слово», «Власть народа», «Новая жизнь» и др. Недаром некоторые историки Гражданской войны иногда обращаются к «Окаянным дня» как к историческому свидетельству об эпохе. В таком обращении, безусловно, есть свои резоны, ведь других источников сведений о том, что происходило, например, в Одессе в пору владычества в ней большевиков, крайне мало.

Эффекта документальности Бунин добивается разными средствами: не только фиксацией происходящего «здесь и сейчас», но и периодическими экскурсами в более или менее отдаленное прошлое. Вот, к примеру, запись от 24 мая 1919 г.: «Разбираю и частью рву бумаги, вырезки из старых газет. Очень милые стишки по моему адресу в “Южном рабочем” (меньшевистская газета, издававшаяся до прихода большевиков):

Испуган ты и с похвалой сумбурной
Согнулся вдруг холопски пред варягом...

Это по поводу моих стихов, напечатанных в “Одесском листке” в декабре прошлого года, в день высадки в Одессе французов...»[6].

и упрямого до слепоты непонимания самых простых вещей» (*Симонов К.М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1984. Т. 10. С. 360). Подобная точка зрения, как ни странно, продолжает бытовать и в наше время. Ее верным адептом является ректор Московского гуманитарного университета и одновременно председатель Попечительского совета литературной Бунинской (!) премии И.М. Ильинский. Свое возмущение бунинской публицистикой вообще и «Окаянными днями» в частности он выразил в многословной, откровенно предвзятой, псевдонаучной статье «Белая правда Бунина». Однако ничего принципиально нового — по сравнению с тем, что писали его идейные предшественники, — И.М. Ильинский не сказал. Хотя один самостоятельный вывод он все-таки сделал: по мнению «исследователя», ельцинская «ультрадемократическая революция 1991 г.» и последовавшие за ней «реформы» стали осуществлением бунинской мечты, выражением его «белой правды» [см.: Ильинский, 2009, с. 19]. Вряд ли стоит комментировать это во всех отношениях нелепое, кощунственное суждение.

[6] *Бунин И. А.* Окаянные дни. М., 1990. С. 136 (репринт).

«Милые стишки», которые приводит здесь Бунин, абсолютно достоверны: сочиненные неким поэтом-фельетонистом Никитой, они действиельно были напечатаны в одесской меньшевистской газете «Южный рабочий» 17 (30) декабря 1918 г. и явились откликом на стихотворение Бунина «22 декабря 1918 г.», которым он приветствовал вступление в Одессу союзнических войск.

Вместе с тем, как верно отмечает Д. Риникер, «Бунин не признавал над собой ига документализма» [Риникер, 2001, с. 632]. Вероятно, это одна из причин того, что в его книге время от времени встречаются фактические неточности. Так, в записи от 21 апреля 1919 г. Бунин утверждает, что автор шутливых стихов

Какое самообладание
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования! —

«один молодой поэт, студент, поступивший прошлой зимой (т.е., по версии Бунина, зимой 1918 г.. — *А.Б.*) в полицейские, — идейно», — был убит большевиками[7]. На самом деле сочинивший эти стихи одесский поэт и «по совместительству» сотрудник уголовного розыска Анатолий Фиолетов[8] пал от руки не большевиков, а обычных уголовников[9], и случилось это 14 ноября 1918 г., за пять месяцев до захвата Одессы красными.

С чем в данном случае мы имеем дело? С тривиальной «ошибкой памяти» — или же с сознательным, умышленным искажением фактов, обусловленным авторской предвзятостью? Ведь не секрет,

[7] Там же. С. 69.

[8] Настоящее его имя — Натан Беньяминович Шор.

[9] Впрочем, кое-кто среди них считал себя «социально близким большевикам элементом». Например, широко известный одесский налетчик Мишка Япончик (М.В. Винницкий), возмущенный тем, что в одном из номеров «Известий Одесского совета рабочих и солдатских депутатов» было «опорочено» его «честное имя», писал в ответ: «Относительно моей деятельности со дня освобождения меня из тюрьмы по указу Временного правительства, до которого я был осужден за революционную деятельность на 12 лет, из которых я отбыл 10 лет, — могу показать документы, находившиеся в контрразведке, а также и приказ этой же контрразведки, в которых сказано, что за поимку меня обещали 100 тысяч рублей как за организатора отрядов против контрреволюционеров, но только благодаря рабочим массам я мог, укрываясь в их лачугах, избежать расстрела. <...> Я лично всей душой буду рад, когда кто-нибудь из рабочих и крестьян отзовется и скажет, что мною он был обижен. Заранее знаю, что такого человека не найдется. Что же касается буржуазии, то если мною и предпринимались активные действия против нее, то этого, я думаю, никто из рабочих и крестьян не поставит мне в вину. Потому что буржуазия, привыкшая грабить бедняков, сделала меня грабителем ее, но именем такого грабителя я горжусь, и покуда моя голова на плечах, для капиталистов и палачей народа буду всегда грозой...» (*Винницкий М.* (*Мишка Япончик*). Письмо в редакцию // Известия Одесского совета рабочий и солдатских депутатов. 1919. 31 мая. № 51. С. 3).

что в своей книге Бунин во что бы то ни стало стремился собрать и представить читателю как можно больше примеров кровожадности «рабоче-крестьянской власти».

Так или иначе, но вопрос о природе фактических неточностей в «Окаянных днях» остается открытым, и очень сомнительно, что мы когда-нибудь сможем на него ответить, ведь черновики «Окаянных дней» не сохранились. И все же явных неточностей в бунинской книге не так уж много. Подлинные факты, в том числе исторически достоверные свидетельства большевистских зверств, в ней все-таки преобладают. Вот одно из таких свидетельств (запись от 24 апреля 1919 г.): «Кстати, об одесской чрезвычайке. Там теперь новая манера пристреливать — над клозетной чашкой»[10]. Насколько правдивы эти строки, можно судить по следующей выдержке из заметки, составленной в ходе работы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России: «В первые дни после эвакуации из Одессы французов и захвата города большевиками, когда одесская чрезвычайка не имела еще собственного помещения и казни приходилось делать наспех, практиковался следующий способ. Обреченного приводили в клозет и наклоняли голову над чашкой. Палач сзади стрелял в голову. Бездыханное тело держали над чашкой, пока не стекала вся кровь. Таким образом, убийство не оставляло никаких следов и не причиняло палачам хлопот по уборке» [Волков, 2010, с. 95].

Однако не только авторские ошибки или заведомое (пусть и с благой целью) искажение истины не позволяют «Окаянным дням» быть (или считаться) полноценным историческим документом. Согласно общепринятому мнению, историк должен быть беспристрастным. Бунин же принципиально сторонился беспристрастности. Более того, именно *пристрастность* он сделал как бы «краеугольным камнем» своей книги. В самом ее начале, в записи от 19 февраля 1918 г., писатель говорит: «”Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно...” Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша “пристрастность” будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна “страсть” только “революционного народа”? А мы-то что ж, не люди, что ли?»[11]. В этом смысле, выражаясь научно, «Окаянные дни» — это не история «великой русской революции», а лишь «материалы» к ней.

Не случайно также для своей книги Бунин выбрал форму *дневника*, которая, к слову, в литературном отношении представлялась

[10] *Бунин И.А.* Окаянные дни. С. 89.

[11] Там же. С. 14.

писателю весьма перспективной задолго до начала работы над «Окаянными днями». Еще в 1916 г. Бунин писал: «...дневник одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие»[12].

Бунин имел в виду в данном случае, конечно, не дневник как таковой — т.е. собрание неких более или менее регулярных записей, которые носят, как правило, документальный характер и при этом не предназначены для посторонних глаз. Бунин говорил о *художественно-литературной имитации* дневника, которая, наоборот, предполагает *непременный* «выход на публику». С этой точки зрения «Окаянные дни» — это не дневник, а произведение, *лишь имеющее* облик дневника или *имитирующее* дневник[13]. Условно его жанр можно было бы обозначить как документальный роман-эссе, в котором подлинные исторические факты не только рассматриваются и толкуются автором с сознательной, сугубой субъективностью и пристрастностью, но еще и нерасторжимо переплетены, а местами и сращены с вымыслом, так что порой трудно определить, где кончается одно и начинается другое.

* * *

В самом деле, как мы уже отмечали, в основе бунинской книги, как правило, лежат подлинные события, на ее страницах упоминаются подлинные имена и названия, приводятся цитаты из подлинных стихов и статей, и в голосе самого автора нет ни одной фальшивой ноты. Тем не менее в «Окаянных днях» почти любой исторический факт в той или иной степени художественно переосмыслен. Вообще одна из главных особенностей бунинской работы с фактическим материалом состояла в том, что в большинстве случаев факты как таковые были для писателя не более чем литературным «сырьем», которое он подвергал творческой обработке, трансформации, но делал это очень тонко и в то же время смело, не боясь упреков ни в чрезмерном субъективизме, ни в подтасовке.

Особенно в этом смысле показательны бунинские приемы цитирования. В «Окаянных днях» цитат очень много. Однако то, что в научном мире принято называть точностью цитирования, у Бунина — большая редкость. В «Окаянных днях» (как, впрочем, и в большинстве других формально «нехудожественных» произведений Бунина) цитируемые автором фрагменты чужих текстов обычно предстают в тщательно отредактированном — как правило, сильно

[12] Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные документы: В 2 т. / Под ред. М. Грин; вступ. ст. Ю. Мальцева. М., 2004. Т. 1. С. 125.

[13] Сходную точку зрения высказывает С.Н. Морозов [Морозов, 2012, с. 303].

ужатом — виде. Бунин не столько цитирует, сколько *конспективно пересказывает* соответствующий текст, опуская, отсекая все, по его мнению, лишнее и оставляя только *квинтэссенцию* цитируемого высказывания.

Ниже приводятся подлинный текст саркастических «Воспоминаний» некоего Александра Ф. (предположительно секретаря Одесского исполкома, анархиста А. Фельдмана), опубликованных 20 апреля 1919 г. в «Известиях Одесского совета рабочих и солдатских депутатов», и бунинская интерпретация этого текста в «Окаянных днях».

***Александр Ф[ельдман]*. «Воспоминания»**	**«Окаянные дни», запись от 24 апреля 1919 г.**
«Прошел десяток дней после вступления Красной армии, прошел строго деловито. Мы не пылали негодованием, вспоминая недавнее прошлое, мы и не вспоминали его, — мы были объяты горячкой первых дней строительства. Мы превратились в административный аппарат, мы были воплощением революционной воли. Мозг теперь предъявляет свои [требования], и в воображении выплывают знакомые образы, и нет к ним прежней злобы, а жалостно улыбаться заставляет то существо, звание которому — многоречивый российский интеллигент. Маячат две фигуры — академик Бунин и социал-демократ Коробков. Вспоминается праздничный номер "Одесского листка" с приветствием "Добро пожаловать, дорогие гости!" и тут же послание пламенного поэта-патриота к варягу, заканчивающееся призывом: Смири скота, низвергни демагога! И параллельно речь гласного Коробкова с заключительным аккордом: "Так или иначе, а французская демократия в конечном итоге всегда несла свободу!" Рисуется такая картина. Пустынный Николаевский бульвар, в правом конце чернеет пушка (и чего только городское самоуправление смотрело? Ведь происхождение пушки могло оскорбить дорогих гостей!) и желтеет легкий греческий фронтон здания думы.	«В "Известиях" обо мне уже писали: "Давно пора обратить внимание на этого академика с лицом гоголевского сочельника, вспомнить, как он воспевал приход в Одессу французов!"»[14].

[14] *Бунин И.А.* Окаянные дни. С. 85—86.

***Александр Ф[ельдман]*. «Воспоминания»**	**«Окаянные дни», запись от 24 апреля 1919 г.**
По холодным аллеям неврастенично порхает птичья фигура академика. Ему холодно; определенная часть лица давно уже превратилась в гоголевский "сочельник", но он не уходит, положение поэта обязывает, он ждет вдохновенья и первого крейсера. С заседания взволнованно выходит многодумный гласный и воздевает руки к небесам, и обращает иконописное лицо византийского образца к горизонту, и трепетно и неустанно молит: "Где вы, желанные слагаемые блаженного итога? Где вы?" Разве мог Бог устоять? И в раскрытые объятия "социал-демократа" поплыли броненосцы, поползли танушки, Ансельмы. Слагаемые нагромождались, и билось сердце у гласного, и радостная дрожь пробегала по телу, а в висках было такое ощущение, будто бабочки бьются под кожей. И плакал гласный умильно и длительно, и рядышком поэт тоненьким тенорком рифмовал "бога — демагога, варяг — стяг". Торжествовала коалиция живых сил страны»[15].	

При сопоставлении этих двух текстов видно, что Бунин существенно *отредактировал* исходный текст, в пяти строчках выразив то, что в одесских «Известиях» заняло целую колонку.

В другой записи, от 9 мая 1919 г., Бунин приводит, как он выражается, «статейку», соседствующую в какой-то не названной им большевистской газете с очередным списком расстрелянных. В данном случае писатель цитировал не только текст реальной статьи, напечатанной, как нам удалось выяснить, 21 мая 1919 г. в одесской газете «Голос красноармейца», но и собственную статью «Пресловутая свинья», опубликованную 30 октября 1920 г. в парижской газете «Общее дело». Именно в «Пресловутой свинье» впервые увидела свет бунинская интерпретация этой «статейки». При «цитировании» Бунин сократил исходный, подлинный текст почти втрое, однако его суть он передал очень точно, сохранив все его «смысловые узлы».

[15] *Ф[ельдман] А.* Воспоминания // Известия Одесского совета рабочих и солдатских депутатов. 1919. 20 апр. № 18. С. 2.

А.Л. «В Красноармейском театре-клубе»	«Окаянные дни», запись от 9 мая 1919 г.
«Весело и радостно проходят спектакли в красноармейском клубе имени тов. Троцкого. Большой зал бывшего Гарнизонного собрания, где раньше имела приют контрреволюционная свора офицеров и генералов, куда простому рядовому нельзя было и порога переступить — сейчас переполнен красноармейцами и трудящимся народом. Последний концерт сошел [так!] очень оживленно и понравился тт. красноармейцам. Программа хорошо составлена. Сначала хор клуба исполнил “Интернационал” и др. революционные песни. Затем выступил отличный чтец тов. Коррадо, очень понравившийся слушателям за свои монологи. С интересом и удовольствием слушают товарищи, как тов. Кронкарди подражает лаю собаки, визгу цыпленка, пению соловья и жаворонка и др. животных вплоть до пресловутой свиньи. Хорошо сыграл несколько русских песен оркестр балалаечников под управлением тов. Американова. Вечер закончился пением рабочей “Марсельезы”. Все товарищи остались очень довольны»[16].	«Весело и радостно в клубе имени товарища Троцкого. Большой зал бывшего Гарнизонного собрания, где раньше ютилась свора генералов, сейчас переполнен красноармейцами. Особенно удачен был последний концерт. Сначала исполнен был “Интернационал”, затем товарищ Кронкарди, вызывая интерес и удовольствие слушателей, подражал лаю собаки, визгу цыпленка, пению соловья и других животных, вплоть до пресловутой свиньи...»[17].

Можно привести и другие примеры подобного бунинского обращения с цитируемыми текстами, однако это займет слишком много места.

* * *

Наряду с материалами прессы более или менее существенной авторской обработке в «Окаянных днях» подверглись дневниковые записи Бунина, сделанные им в преддверии и в первые месяцы революции. В книгу включено немало таких записей. С их помощью Бунин хотел показать, что приближение общерусской катастрофы он предчувствовал задолго до того, как она разразилась в действительности. Однако документальность этих свидетельств бунинской проницательности тоже весьма относительна, поскольку и они в той или иной степени были писателем отредактированы. Как и в случае с чужими, в том числе газетными текстами, Бунин вносил изменения в собственные дневниковые записи, выделяя, заостряя главную мысль. См., например:

[16] *А.Л.* В Красноармейском театре-клубе // Голос красноармейца (Одесса). 1919. 21 мая. № 30. С. 4.

[17] *Бунин И.А.* Окаянные дни. С. 121.

Дневниковая запись от 22 февраля 1915 г.	«Окаянные дни», запись от 16 февраля 1918 г.
«Наша горничная Таня очень любит читать. Вынося из-под моего письменного стола корзину с изорванными бумагами, кое-что отбирает, складывает и в свободную минуту читает — медленно, с напряженьем, но с тихой улыбкой удовольствия на лице. А попросить у меня книжку боится, стесняется... Как мы жестоки!»[18]	«Сейчас сижу и разбираю свои рукописи, заметки, — пора готовиться на юг, — и как раз нахожу кое-какие доказательства своего “деспотизма”. Вот заметка 22 февраля 1915 года: — Наша горничная Таня, видимо, очень любит читать. Вынося из-под моего письменного стола корзину с изорванными черновиками, кое-что отбирает, складывает и в свободную минуту читает, — медленно, с тихой улыбкой на лице. А попросить у меня книжку боится, стесняется... Как жестоко, отвратительно мы живем!»[19]

В «Окаянных днях» есть примеры и более сложного «воздействия» писателя на фактический материал, почерпнутый из личных дневников. И здесь Бунин уже не довольствуется «конспектированием» и редактированием — он подходит к этому материалу как истинный художник, преобразуя и организуя его в соответствии с определенным замыслом. В этом смысле особенно показательны те места в «Окаянных днях», которые имеют вид выписок из бунинского дневника за вторую половину 1917 г. Д. Риникер в своей статье высказывает предположение, что эти «выписки» Бунин восстанавливал по памяти: ведь самого дневника в пору работы над «Окаянными днями» у него на руках не было[20].

[18] Устами Буниных. Т. 1. С. 121.

[19] *Бунин И.А.* Окаянные дни. С. 18.

[20] По неизвестной причине этот дневник остался в России, переходил из рук в руки и в конце концов оказался у артиста эстрады и библиофила Н.П. Смирнова-Сокольского (1898—1962). Сейчас он хранится в НИОР РГБ. В 1965 г. отрывки из бунинского дневника, видимо, заранее подготовленные Смирновым-Сокольским для печати, были опубликованы в «Новом мире». В преамбуле к этой публикации говорится: «Недавно ко мне пришел старый литератор-этнограф Барашков-Энгелей и принес мне хранившуюся у него черновую тетрадь, написанную рукой Бунина. В тетради-альбоме оказались наброски, записи “для памяти”, начатые, но неоконченные стихотворения и прочее. <...> Записи датированы со 2 августа 1917 года, кончая маем 1918 года. По словам литератора, принесшего мне бунинскую тетрадь, она попала к нему лет тридцать назад от человека, близкого к редакции альманахов “Шиповник”, издававшихся в 1907—1916 годах. <...> Хранящаяся у меня тетрадь, очевидно, из тех бумаг писателя, которые он, уезжая за границу, не смог взять с собой и либо рассовал по знакомым, либо просто бросил. Вот она и пролежала почти сорок лет, может быть, поджидая своего законного хозяина...» (*Смирнов-Сокольский Н.П.* Указ. соч. С. 213). В письме без даты к писателю-эмигранту Л.Ф. Зурову исследователь жизни и творчества Бунина А.К. Бабореко сообщал, что Н.П. Смирнов-Сокольский «купил автограф дневника у какого-то Барашкова, похитившего дневник у Муромцевых. О похищении мне говорила

Однако нам представляется сомнительным, что при написании «Окаянных дней» Бунин «вспоминал» свои утраченные перед отъездом на чужбину дневниковые записи. Слишком уж велика разница между исходными записями и их «эквивалентами» в «Окаянных днях». Конечно, ее можно объяснить «дефектами» или «ошибками» бунинской памяти. Однако более правдоподобным представляется иное соображение. В своих статьях, посвященных бунинской лекции «Великий дурман» [см.: Бакунцев, 2011; Бакунцев, 2012а; Бакунцев, 2012б; Бакунцев, 2012в], мы указывали на то, что «следы» и «отголоски» этой лекции встречаются в целом ряде публицистических произведений писателя. А в «Окаянных днях» и вовсе имеется множество прямых текстовых совпадений с «Великим дурманом».

В отличие от «Окаянных дней» «Великий дурман» как раз писался с опорой на те самые дневниковые записи, которые в эмиграции были для писателя недоступны. В этом смысле бунинская лекция сыграла роль своего рода текста-посредника между аутентичным дневником писателя и «Окаянными днями». Но в любом случае, то, что и в «Великом дурмане», и в «Окаянных днях» Бунин выдал за выписки из своих личных дневников, на самом деле является результатом весьма существенной литературно-художественной переработки. Наглядным примером этого служат своеобразные «живые картины», присутствующие в обоих произведениях писателя. Созданные Буниным на основе дневниковых записей, они первоначально вошли в текст «Великого дурмана», а затем в полном объеме «перекочевали» в «Окаянные дни» [см.: Бакунцев, 2012в].

В то же время наряду с записями, сделанными накануне и в первые месяцы революции, «писатель включил в состав “Окаянных дней” и записи более позднего времени в переработанном виде. Такие записи не сопровождаются указанием на время их написания» [Риникер, 2001, с. 643]. Иными словами, речь идет о записях анахронического характера, т.е. таких, которые возникли в более поздний период, чем тот, что представлен в книге Бунина. Их включение стало возможным потому, что «Окаянные дни» — напомним — писались начиная с 1925 г.

Д. Риникер в своей статье об «Окаянных днях» ссылается на две такие записи, датированные январем 1922 г. В «Окаянных днях» они приведены в измененном виде и при этом датированы: одна — мартом 1918 г., другая — апрелем 1919 г. В данной статье мы ограничимся одним примером.

вдова Павла Николаевича Муромцева (родного брата В.Н. Муромцевой-Буниной. — *А.Б.*). Этого Барашкова теперь нет в живых. Для своих злодеяний он воспользовался условиями войны» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 123—123 об.).

Дневниковая запись от 9/22 января 1922 г.	**«Окаянные дни», запись от 17 апреля 1919 г.**
«“Я как-то физически чувствую людей” (Толстой). Я *все* физически чувствую. Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду — и как остро, Боже мой, до чего остро, даже больно!»[21]	«“Я как-то физически чувствую людей”, записал однажды про себя Толстой. Вот и я тоже. Этого не понимали в Толстом, не понимают и во мне, оттого и удивляются порой моей страстности, “пристрастности”. Для большинства даже и до сих пор “народ”, “пролетариат” только слова, а для меня это всегда — глаза, рты, звуки голосов, для меня речь на митинге — все естество произносящего ее»[22].

«Писатель, — не без основания полагает Д. Риникер, — не счел нужным и возможным указать на более позднее время возникновения этих записей: подобные указания разрушили бы всю смысловую структуру “Окаянных дней”» [Риникер, 2001, с. 644]. Однако нельзя согласиться с утверждением, что «большинство этих записей... как правило, прямо не связаны с описываемыми событиями» [там же]. Как раз наоборот: такая связь всегда есть, в каком-то смысле именно благодаря ей и создается художественно-документальное пространство бунинской книги.

Нельзя не заметить, что в исходной дневниковой записи Бунин говорит только о себе и своем невероятно чувственном мировосприятии. Это и впрямь во многом «безотносительная» запись (из разряда «кстати» или «между прочим»), почти случайная фиксация художнического самонаблюдения. В «Окаянных днях» эта бунинская автохарактеристика приобретает дополнительный смысл. Она не просто «переписана» заново, но еще и включена в историко-художественный контекст книги, увязана со всем ее духовным строем и содержанием, с главным, доминирующим чувством и умонастроением автора, а именно с его непримиримостью по отношению к «русскому Каину», овладевшему всей страной. Из записи в «Окаянных днях» видно, что автор «как-то физически» чувствует не каких-то абстрактных, а вполне конкретных людей, с которыми он ежедневно сталкивается на улицах и площадях сначала красной Москвы, потом красной Одессы.

Анахроническими являются и те строки «Окаянных дней», в которых Бунин, по сути, сводит счеты с одним из своих давнишних идеологических противников — с одесским журналистом-социалистом П.С. Юшкевичем, позволившим себе в октябре 1919 г. весьма неодобрительно отозваться о бунинской лекции «Великий дурман» в меньшевистской газете «Грядущий день» [см.: Бакунцев, 2012а, с. 107—109].

[21] Устами Буниных. Т. 2. С. 62.

[22] *Бунин И.А.* Окаянные дни. С. 51—52.

Бунин тогда же, осенью 1919 г., в своих «Заметках» в «Южном слове» весьма резко ответил на критику Юшкевича. Но, видимо, нанесенная писателю обида была так глубока, что он не забывал о ней в течение нескольких десятилетий. Свою полемику с Юшкевичем он отобразил и в «Окаянных днях» — разумеется, умолчав как об истинных причинах, так и о времени ее возникновения.

«Заметки», 20 октября 1919 г.	**«Окаянные дни», запись от 10/11 июня 1919 г.**
«...сколько, например, исписал бумаги какой-нибудь Павел Юшкевич, подсчитывая убиенных при погромах евреев, сколько этих уголовных дел зарегистрировал он, сколько сказал жестоких слов о зверстве русского народа, когда он громил евреев! А посмотрите, как, наряду с этим, издевается он надо мной по поводу моей лекции о русском народе и русской революции, как горячо заступается за этот же самый народ, как распекает, как поучает меня. "Суждения Бунина сухие, желчные", — для этих господ вся сложность, вся острота наших великих мук есть только желчь! — "К революции, уважаемый академик Бунин, нельзя подходить с мерилом и пониманием *уголовного хроникера*"... "Гегель говорил о разумности всего действительного... в российской революции есть свой разум, свой смысл", — и так далее, и так далее. О, многомудрый гегелианец, ведь и самое жестокое самодержавие и чума и холера может чудесно уложиться в Гегеле; утверждая, что есть разум и смысл в дроблении помещичьих, купеческих, офицерских черепов, можно, следуя логике, дойти до Бог знает каких выводов... Право, "стройные ряды революционного демоса" немногим отличаются от прочих "стройных рядов". Знаю я эти "стройные ряды". Помню, как осенью семнадцатого года мужики, разгромившие одну елецкую усадьбу, ощипали для потехи перья с живых павлинов и пустили их, окровавленных, летать, метаться, тыкаться с пронзительными криками куда попало...»[23]	«Мужики, разгромившие осенью семнадцатого года одну помещичью усадьбу под Ельцом, ощипали, оборвали для потехи перья с живых павлинов и пустили их, окровавленных, летать, метаться, тыкаться с пронзительными криками куда попало. Но что за беда! Вот Павел Юшкевич уверяет, что "к революции нельзя подходить с уголовной меркой", что содрогаться от этих павлинов — "обывательщина". Даже Гегеля вспомнил: "Недаром говорил Гегель о разумности всего действительного: есть разум, есть смысл и в русской революции". Да, да, "бьют и плакать не велят". Каково павлину, и не подозревавшему о существовании Гегеля? С какой меркой, кроме уголовной, могут "подходить к революции" те священники, помещики, офицеры, дети, старики, черепа которых дробит победоносный демос? Но какое же дело Павлу Юшкевичу до подобных "обывательских" вопросов!»[24]

[23] *Бунин Ив.* Заметки // Южное слово (Одесса). 1919. 20 окт. (2 нояб.). № 51. С. 2.
[24] *Бунин И.А.* Окаянные дни. С. 161—162.

П.С. Юшкевич ни о каких павлинах в своем отклике на бунинский «Великий дурман» не писал. Впервые эти павлины появились у самого Бунина, в финале процитированных здесь «Заметок». Но в «Окаянных днях» именно елецкие павлины стали сюжетообразующей деталью, к которой оказались тенденциозно привязаны и существенно «перелицованные», урезанные, отредактированные автором высказывания Юшкевича.

Зачем Бунин сделал это? И для чего вообще ему понадобилось включать в свой исторически почти безупречный текст такой *явный* анахронизм? Думается, Бунин пошел на это потому, что для него принципиальное значение имела самая суть его давнего спора с одесским журналистом. Настолько принципиальное, что писателя не устрашила даже вероятность того, что кто-нибудь из *осведомленных* современников уличит его в недобросовестности, в подтасовке фактов. В лице П.С. Юшкевича, чье имя большинству эмигрантов ничего не говорило и потому как бы становилось нарицательным, Бунин отвечал всем своим оппонентам, оправдывавшим «великую русскую революцию» и ее «эксцессы». Сам-то он был абсолютно уверен в своей правоте и, очутившись на чужбине, еще больше укрепился в неприятии всякой революционности.

* * *

В «Окаянных днях», пожалуй, с наибольшей полнотой отобразились особенности бунинской работы с фактическим материалом. Очевидно, что в своем главном произведении о «великой русской революции» писатель не стремился к абсолютной документальной точности. Однако присутствие в «Окаянных днях» сильного «беллетристического» элемента (на который указывал сам автор), а также явных фактических ошибок вовсе не делает эту книгу *недостоверной*. Вообще, в применении к «Окаянным дням» (и другим, близким по духу произведениям — как, например, «Петербургские дневники» З.Н. Гиппиус, «Солнце мертвых» И.С. Шмелева) целесообразно говорить о достоверности особого рода. Это не столько *достоверность факта*, сколько *достоверность чувства*, достоверность сугубо личного и очень честного отношения автора к современной ему действительности.

Список литературы

Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М., 2011.

Бакунцев А.В. Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» в отзывах одесской прессы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012а. № 1.

Бакунцев А. Публицистика И.А. Бунина: от «Великого дурмана» к «Окаянным дням» // Powrócić do Rosji wierszami i prosą: Literatura rosyjskiej emigraracji / pod red. G. Nefaginy. Słupsk, 2012б.

Бакунцев А.В. Соотношение художественного и документального в лекции И. А. Бунина «Великий дурман» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2012в. № 6.

Красный террор глазами очевидцев / Сост., авт. вступ. ст. С.В. Волков. М., 2010.

Георгиевский А.С. Бунин и Россия // Российский литературоведческий журнал. 1999. № 12.

Ильинский И.М. Белая правда Бунина (Заметки о бунинской публицистике) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4.

Кочетов В.П. Неистовый Бунин // Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990.

Клинг О. Пророческий знак // Бунин И.А. Гегель, фрак, метель. СПб., 2003.

Крыжицкий С. Бунин и «Окаянные дни» // Бунин И.А. Окаянные дни. Лондон (Канада), 1974.

Мальцев Ю.В. Иван Бунин. 1870—1953. Frankfurt/Main; М., 1994.

Михайлов О.Н. Окаянные дни И.А. Бунина // Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1991.

Морозов С. «Окаянные дни» И.С. Бунина: К истории текста // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012.

Ошар К. «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина // Русская литература. 1996. № 4.

Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003.

Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина // И.А. Бунин: pro et contra / Сост. Б.В. Аверина, М.Н. Виролайнена, Д. Риникера. СПб., 2001.

Хёнцш Ф. Иван Бунин, певец ушедшей России // Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890—1950-е годы): Антология / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М., 2010.

Эберт К. Образ автора в художественном дневнике Бунина «Окаянные дни» // Русская литература. 1996. № 4.

Поступила в редакцию
05.03.2013

ЯЗЫК СМИ

В.Н. Суздальцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОНТИНУУМ «ГИПОТЕТИЧНОСТЬ/НЕДОСТОВЕРНОСТЬ» В МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются языковые единицы, которые привносят в массовый информационный дискурс семантику гипотетичности/недостоверности (маркеры неточности, приблизительности). Делается вывод о том, что использование таких единиц подготавливает почву для манипулирования сознанием массовой аудитории.

Ключевые слова: *гипотетичность, недостоверность, семантическое поле, манипулирование, гипотетическая реальность.*

In the article there is an analysis of the linguistic units introducing semantics of hypothetical/unreliability into the information discourse. It is concluded that the use of such units paves the way for mind control.

Key words: *hypothetical, unreliability, semantic field, the manipulation, the hypothetical reality.*

Все мы с детства помним смешную сказку Андерсена о курице, которая вечером, устраиваясь на нашесте в курятнике, уронила маленькое перышко и в шутку сказала, что стала от этого только красивее. Другая курица, сидевшая рядом, немедленно ее осудила и сообщила новость, но уже со значительными преувеличениями, своим товаркам. За ночь история обошла всех обитателей двора, обрастая все новыми и новыми подробностями: о том, что пять кур выщипали себе все перья, а потом заклевали друг друга насмерть из-за любви к петуху. И наутро та, которая уронила перышко, с негодованием говорила своим подругам: «Я презираю этих кур!.. О подобных вещах нельзя, однако, молчать! И я, со своей стороны, сделаю все, чтобы история попала в газеты!» И в газетах действительно напечатали это историю как истинную правду. Сказка так и называется «Истинная правда».

История, рассказанная Андерсеном, очень хорошо раскрывает механизм возникновения и распространения слухов и сплетен: незначительный эпизод при передаче из уст в уста искажается и может приобрести чудовищные размеры — информация становится недостоверной. Здесь же гротескно подмечены некоторые из воз-